

О. Г. Прокопчук

ЭЛЛИПСИС И СИЛЛЕПСИС КАК ФИГУРЫ УБАВЛЕНИЯ В ВИЗАНТИЙСКОЙ РИТОРИКЕ

Византийская традиция каталогизации фигур. Сочинение византийского ритора VI в. Георгия Хировоска «Περὶ τρῶπων ποιητικῶν» («О поэтических тропах») наследует античную традицию составления списков тропов и фигур, которая постепенно отказалась от попыток систематизации оборотов речи и предлагала учащимся лишь исчерпывающее описание разнообразных приемов украшения речи (самый большой такой список давала псевдоцицероновская «Риторика к Гереннию» — 70 названий тропов и фигур). Трактат Хировоска стоит в ряду многих подобных ему и по форме представления материала, и по содержанию (см. третий том издания Л. Шпенгеля «*Rhetores Graeci*» [5]), следовательно, можно говорить о трансляции античной фигуративной теории и ее дальнейшей более детальной разработке византийскими филологами. Тот же процесс «увлечения» тропами и фигурами происходил и в Западной Римской империи. Если в «Риторике к Гереннию» было 70 названий фигур, то «в средневековых риториках, существенно расширивших „ассортимент“ фигур (поскольку практически одними фигурами риторы в это время и занимались), их насчитывалось уже свыше 200» [2, с. 177].

Классификация фигур в античной и современной риторике. В античной риторике словесные фигуры традиционно делились на три группы: 1) фигуры прибавления, 2) фигуры убавления, 3) фигуры размещения и перестановки [1, с. 451]. Во многих современных пособиях по риторике и энциклопедиях сохраняется такое же деление фигур [4, с. 147], хотя иногда делаются попытки классификаций фигур по логическому принципу [3, с. 69; 2]. Интересную классификацию фигур предлагает Е. В. Ключев, деля их на конструктивные и деструктивные макро- и микрофигуры [2, с. 238]. Макрофигуры предполагают трансформацию структуры предложений и более крупных синтаксических единиц, а микрофигуры предполагают трансформацию структуры слова. Конструктивные фигуры делают синтаксическую структуру более сбалансированной (в основном за счет всякого рода повторов), а деструктивные — ломают синтаксические структуры (в основном за счет их усечения) (см. рис. 1).

Предметом данной статьи являются фигуры «убавления» в византийском трактате Хировоска «О поэтических тропах» (VI в.). Их можно классифицировать как деструктивные макрофигуры, т. е. такие фигуры, которые, реализуясь в отрезке речи, предполагают экономию речевых усилий: выражено $a-b$ при предполагаемом $a-b-c$. Причины пропуска элемента высказывания могут быть разные: от синтаксических до логических, вследствие чего античные риторы выделяли такие фигуры убавления, как эллипсис (пропуск подразумеваемого члена высказывания), силлепсис (пропуск подменяемого члена высказывания), асиндетон (бессоюзие: опущение служебных частей речи) [1, с. 453]. В трактате Хировоска описаны только эллипсис и силлепсис; асиндетон опущен.

Эллипсис. Эллипсис (греч. ἔλλειψις ‘недостаток, нехватка; опущение’) — фигура убавления («минус-фигура», «деструктивная макрофигура»), которая выражается в пропуске подразумеваемого члена высказывания. Хировоск подчеркивает, что пропуск элемента высказывания можно «додумать» (греч. νοεῖν), т. е. восстановить по смыслу целого: Ἐλλειψίς ἐστὶ λόγος ὁ μὴ κατὰ τὸ πλῆρες ἐκφερόμενος, παρέχων δὲ ἡμῖν νοεῖν τὸ ἐπόμενον. — Эллипсис — это речь, которая не произносится в полном объеме, позволяющая нам додумать то, что <из нее> следует [5, с. 252].

Таким образом, византийский ритор в дефиниции эллипсиса дает понять, что эта фигура предполагает пропуск таких элементов высказывания, которые легко могут быть восстановлены по смыслу целого.

Эллипсис может быть синтаксически обусловленным. Синтаксис определяет потенциальные возможности для эллипсиса. Некоторые «стандартные» виды эллипсиса в каждом конкретном языке обусловлены синтаксисом данного языка. Так, в греческом языке типичным эллипсисом являлось опущение определяемого слова, которое можно было восстановить по артиклю: τὰ τῶν Ἀθηναίων ‘дела или интересы афинян’, ὁ Ἀθηνᾶς ‘храм Афины’. Хировоска интересует только контекстуальный эллипсис как собственно риторический. Понимание конструкции такого эллипсиса требует помощи ближайшего контекста или даже привлечения экстралингвистических сведений — знания обычаев, обрядов и т. п. Хировоск приводит следующие примеры эллипсиса: ...ὡς ὅταν τις πενθῶν καὶ ὀδυρόμενος εἶπῃ, τὸ στήθος μου ἔτυπτον ἀμφοτέραις, δηλονότι χερσίν, ἢ ὡς παρὰ τῷ ποιητῇ κόπτων ἀμφοτέραις, τούτέστι χερσίν. — ...как когда кто-нибудь, печалясь и скорбя, сказал бы: «Я ударял себя в грудь обеими (очевидно, руками)», или как у поэта: «ударяя обеими», то есть руками [5, с. 252].

Предложение *Я ударял себя в грудь обеими* подразумевает опущенный элемент *руками*. Такое опущение элемента высказывания на уровне синтаксиса требует экстралингвистического знания: дополнительный смысл ‘печалюсь’ / ‘в знак сильной печали’ можно восстановить, зная обычай греков бить себя по лицу или в грудь в знак скорби. Это эллипсис и «синтак-

сический» (опущено слово *руками*), и «семантический» (конструкция с эллипсисом требует помощи ближайшего контекста: *кто-нибудь, печалься и скорбя, сказал бы*).

Во втором иллюстративном примере эллипсиса, приводимом в трактате, или как у поэта: «ударяя обеими», то есть *руками* (вероятно, Хировоск, ссылаясь на поэта, имеет в виду строку из «Одиссеи» Гомера (XVIII, 28)) опять опускается слово *руками*, которое византийский ритор сам же поясняет, а вот контекст уже не поясняется; видимо, Хировоск полагает, что все узнают это место из Гомера, где нищий Ир вызывает Одиссея на кулачный бой.

Силлепсис. Силлепсис (греч. σύλληψις ‘задержание, захват’) — фигура убавления, которая рассматривалась античными риториками как пропуск подменяемого члена последовательности. Силлепсис представляет собой фигуру, характеризуемую тем, что в одном синтаксическом построении объединяются два или более членов, оформленных как однородные, но так или иначе различаемые в семантическом и грамматическом отношении. Хировоск определяет силлепсис через член, который грамматически является общим для нескольких слов, но семантически относится только к одному из них: Σύλληψις ἐστὶ φράσις ἀφ’ ἐνός τινος κυρίου κατὰ δύο ἢ καὶ πλειόνων λαμβανομένη ἢ φράσις τὸ ἄλλω πραχθὲν ἐφ’ ἑτέρον ἔλκουσα. — Силлепсис — это выражение, берущееся с чего-то одного, употребленного в собственном смысле, по отношению к двум или большему количеству; или выражение, привлекающее к одному то, что взято для другого [5, с. 248–249].

Хировоск поясняет каждый приводимый им пример силлепсиса (см. табл. 1).

Таблица 1

Примеры силлепсиса, приводимые Хировоском, и их пояснения

Примеры силлепсиса	Пояснения Хировоска	Комментарий
<i>Борей и Зефир, которые дули из Фракии</i> (цитата из Ил., IX, 5. — О. П.)	<i>Ведь только Борей из Фракии дует, силлептически же говорится, что и Зефир оттуда дует</i>	Употребление обстоятельства места из Фракии (Фракия находится на севере от Греции) правомерно только по отношению к Борею — северному ветру, откуда дует Зефир — западный ветер — опущено
<i>Двое, хромая, или слуги Арея: храбрый Тидид и славный Одиссей</i> (цитата из Ил., XIX, 47. — О. П.)	<i>А ведь один Диомед хромял, раненный в ступню ноги, Одиссей же был ранен в бок, силлептически же говорится, что и он хромяет</i>	Продемонстрировано употребление определения σκάζοντε ‘хромяющие’ при нескольких однородных членах, хотя это определение может относиться лишь к одному из них

Пояснение Хировоска, какой из однородных членов «силлептический», говорит о том, что неосведомленный читатель мог и не заметить этой фигуры. Таким образом, все приводимые Хировоском иллюстративные примеры силлепсиса представляют собой по сути ненамеренный паралогизм. Силлепсис в современном понимании этого термина предполагает отсутствие общего категориального семантического признака у слов, входящих в группу однородных членов, в результате чего возникает эффект обманутого ожидания (*Он стирал белье с усердием и с мылом. Пить чай с женой, с лимоном и с удовольствием. Секретарь обожает своего шефа и хамить посетителям*), т. е. трактуется как осознанный паралогизм.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаспаров, М. Л. Античная риторика как система / М. Л. Гаспаров // Об античной поэзии : Поэты. Поэтика. Риторика / М. Л. Гаспаров. — Санкт-Петербург, 2000. — С. 424–472.
2. Клюев, Е. В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция) / Е. В. Клюев. — Москва : «ПРИОР», 1999. — 272 с.
3. Корольков, В. И. К теории фигур / В. И. Корольков // Сборник научных трудов МГПИИЯ. — Москва, 1974. — Вып. № 78. — С. 60–92.
4. Хазагеров, Г. Г. Риторический словарь / Г. Г. Хазагеров. — Москва : Флинта ; Наука, 2009. — 432 с.
5. Γεωργίου τοῦ Χοιροβόσκου περὶ τρῶπων ποιητικῶν // *Rhetores Graeci: in 3 vol.* / ed. L. Spengel. — Lipsia, 1856. — Vol. III. — P. 244–256.

Пракапчук Вольга Генрыхайна — кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры класічнай філалогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта (Мінск).

Філалагічныя штудыі = *Studia philologica* : зб. навук. арт. / пад рэд. Г. І. Шаўчэнка, К. А. Тананушкі ; рэдкал.: А. В. Гарнік [і інш.]. — Вып. 8. — Мінск, 2015. — С. 60–63. ISBN 978-985-500-897-3.